

А. Л. Семенова

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИДЕЙ Л. Н. ТОЛСТОГО В ПУБЛИЦИСТИКЕ ИДЕАЛИСТОВ (ЖУРНАЛЫ «НОВЫЙ ПУТЬ», «ВОПРОСЫ ЖИЗНИ») И ПОЗИТИВИСТОВ (ЖУРНАЛ «ПРАВДА»)

История отечественной публицистики 1900-х гг. представляет немало лакун для современных исследователей, т. к. в силу сложившихся идеологических установок советской эпохи на первый план была выдвинута публицистика В. И. Ленина и его единомышленников. Однако на рубеже XX–XXI вв. происходит обращение к опыту начала XX в. И здесь нельзя не отметить работы М. А. Колерова «Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от „Проблем идеализма“ до „Вех“» (1996), «Проблемы идеализма» (1902). История и контекст» (2002)¹. Автор глубоко и обстоятельно прослеживает развитие и становление печати идеалистического направления русской общественной мысли начала XX в. К сожалению, нет обобщающих работ по позитивистской печати этого периода².

Сопоставление позиций позитивистов и идеалистов предоставляет возможность выявить ценностные ориентиры, которые определяли развитие русского общества того времени. Отношение к идеям Л. Н. Толстого было краеугольным камнем построения любой социально-политической доктрины. По утверждению М. А. Колерова, «практически вся русская мысль фокусировалась вокруг проблемы политического и социального освобождения, понимаемого как революционная ликвидация самодержавной монархии и связанного с ней полуфеодального общественно-экономического порядка»³. Потому важно исследовать, каким образом интерпретировались идеи русского писателя на страницах изданий идеалистов и позитивистов.

Русское образованное общество начала XX в. было вовлечено в бурную философскую полемику идеалистов и позитивистов. Сборники «Проблемы идеализма» (1902) и «Очерки реалистического мировоззрения» (1904) определили основные позиции оппонентов. Дискуссия по поводу «переоценки ценностей» общественного развития велась и на страницах журналов, таких как «Мир божий», «Образование», «Вопросы философии и психологии». Однако полемическое противостояние вышло на иной уровень, когда у оппонентов появилась возможность активно участвовать в органах печати, отражающих их идейные установки.

Для позитивистов таким изданием стал ежемесячный журнал искусства, литературы и общественной жизни «Правда» (1904–1906), издававшийся В. А. Кожевниковым в Москве. Журнал имел широкую программу, не являясь партийным, стремился занять в «борьбе идей» той эпохи свою четкую позицию. Первоначально немалую роль в редакционной политике играли А. Богданов и А. Луначарский.

Идеалисты же (С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский и др.) получили возможность для публичного самовыражения на страницах журнала «Новый путь», когда с октября 1904 г. вошли в состав участников издания. В 1905 г. журнал был переименован в «Вопросы жизни», ежемесячное литературно-общественное издание. В его первом номере сообщалось, что «ближайшее участие в редакции журнала принимают С. Н. Булгаков,

Н. А. Бердяев, Д. Е. Жуковский. «Вопросы жизни» являются продолжением журнала «Новый путь» в том направлении, какое он получил с октября 1904 года»⁴.

Редакция журнала «Правда» (1904, № 11) опубликовала отзыв на октябрьскую книжку «Нового пути» (1904, № 10): «Начиная с октябрьской книги журнал «Новый путь» стал выходить при обновленном составе сотрудников. Орган мистиков и декадентов, журнал перешел теперь к представителям идеалистического мировоззрения, с г. г. Булгаковым и Бердяевым во главе. Было бы преждевременно решать, отгеснят ли новые участники всю ту литературную группу, которая придавала журналу такой своеобразный отпечаток. В этой книге идеалисты мирно соединяют старое с новым, и весь поворот выразился только в том, что в журнале зазвучали новые политические мотивы прогрессивного характера. Хотя редакция нашего журнала совершенно не разделяет философских взглядов новой редакции «Нового пути», но мы радуемся, что наши литературные противники получили возможность развивать и отстаивать свои убеждения на страницах собственного органа. Поборники полноты жизни, мы приветствуем полноту ее проявлений и в литературе»⁵.

Таким образом, журналы «Правда» и «Вопросы жизни» во многом продолжили традицию XIX в., когда большую роль в журналистике играли «журналы направления». По мнению В. Г. Короленко, «русский ежемесячник – не просто сборник статей, не складочное место иной раз совершенно противоположных мнений, не обзорное во французском смысле. К какому бы направлению он ни принадлежал, — он стремится дать некоторое идейное целое, отражающее известную систему воззрений, единую и стройную»⁶.

Идейно-политическая борьба начала 1900-х гг. во многом предопределила события первой русской революции. Одной из знаковых фигур этого времени был, безусловно, Л. Н. Толстой, роль которого в полифонии идей начала века была очень значима. «В годы реакции власти на убийство Александра II, когда были истреблены революционные террористы и подавлено массовое народническое движение, фигура Толстого, радикально противостоящая власти и церкви, стимулировала оппозиционную интеллигенцию к постановке «широких задач», переходу от «малых дел» просвещения масс к делу политического освобождения», — отмечает М. А. Колеров⁷.

Идеи Л. Н. Толстого были популярны и влиятельны в русском обществе начала XX в. Достаточно вспомнить известное высказывание А. С. Суворина, записанное в личном дневнике 29 мая 1901 г.: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой, несомненно, колеблет трон Николая и его династии»⁸. Высказывания писателя по общественным вопросам служили предметом бурных споров. «Общественно-политические журналы особенно либерально-демократического направления принимали активное участие в общественной полемике. При этом совсем не обязательно, чтобы у них было единодушное мнение о «толстовской» социальной концепции. Одни с энтузиазмом занимались ее популяризацией, другие подвергали «учение» уничтожающей критике»⁹, — отмечает С. Н. Ущиповский. Именно в непримиримой критике толстовских идей оказались единодушными и идеалисты, и позитивисты.

Наиболее полно и глубоко идеи Толстого были проанализированы в публицистике С. Н. Булгакова. Уже в декабрьском выпуске «Нового пути» была опубликована первая часть статьи С. Н. Булгакова «Карлейль и Толстой»¹⁰. Продолжение увидело свет в первом номере «Вопросов жизни» за 1905 г. Автор статьи сетовал на то, что книга Карлейля «Герои и героическое в истории», вышедшая в 1891 г. в переводе В. И. Яковенко, не получила должного признания т. к. «в двери общественного сознания уже стучался марксизм».

Потому закономерен интерес к этому английскому мыслителю, когда «волна марксизма схлынула или, по крайней мере, потеряла в силе...»¹¹. Примечательно, что в этом же номере журнала была опубликована статья Алексева «Разложение марксизма»¹².

Для Булгакова Карлейль — «религиозный моралист», и, по мнению русского публициста, «литературная деятельность Толстого за последнюю четверть века удивительно близка, сама собою напрашивается на сопоставление с деятельностью Карлейля...»¹³. Булгаков сопоставляет мировоззрения русского и английского мыслителей в следующих аспектах:

- отсутствие точной и философски определенной формулировки религиозных взглядов;
- «этицирование» религии: «тенденция упростить в содержании религии все, кроме этики», следовательно, христианство понимается не как цельное мировоззрение, а как «бледное этическое учение»;
- мистический пантеизм, который «не составляет положительного религиозного мировоззрения»;
- значимость практической жизненности их проповеди¹⁴;
- социальный морализм, который «силен не своей положительной программой, а своею отрицательной, обличительной характеристикой существующего»;
- религиозный радикализм и отсутствие релятивизма в социальной политике, что не позволяет составить практические проекты реформ¹⁵.

Относительно экономических суждений русского писателя С. Н. Булгаков пишет: «Л. Н. Толстой все проблемы капитализма и городской жизни, соответствующие определенной ступени хозяйственного развития и, между прочим, связанные с определенной густотой населения, разрешает, сажая всех на землю и возвращая к земледельческому труду. И то, и другое не может быть даже серьезно обсуждаемо в качестве социально-экономического рецепта, а уж тем более панацеи». Очевидно, что в этой опирающейся на экономический материализм оценке идей Толстого Булгаков близок к своим оппонентам — марксистам. Расхождение во взглядах проявляется в религиозных идеях публициста, который прошел путь «от марксизма к идеализму». Как считает Булгаков, «решать задачу политической экономии, вопрос об экономическом преобразовании средствами морали так же ошибочно, как и пытаться компетенцию морали заместить политической экономией»¹⁶.

Анализ мировоззрения Толстого и Карлейля дает возможность С. Н. Булгакову сформулировать собственные принципы социального мировоззрения, из которого не могут быть устранены предпосылки религии и морали. По убеждению русского мыслителя, истинное социальное мировоззрение является «идеал-реализмом»¹⁷. Публицист считает, что «после Толстого, Достоевского, Соловьева не позволительно уже не понимать значения религии как силы социального прогресса. <...> Социальная проповедь должна быть превращена в проповедь нравственно-религиозную. <...> Религиозно-этическое социальное мировоззрение может и должно быть приведено в связь с практической программой вполне реалистического характера, дух должен воплотиться в материю, чтобы обнаружить свою подлинную духовную сущность»¹⁸.

В очередной статье «Без плана» в журнале «Вопросы жизни» (1905, № 3) Булгаков негативно и крайне резко высказался о толстовской оценке русского освободительного движения, написав, что «частная ошибка, которую ... делает Толстой, становясь спиной

к освободительному движению, есть лишь производная от основной его ошибки, однобокости и дефектности всего его религиозного мировоззрения». Публицист убежден: «Проповедь, называющая себя христианскою и приводящая к тем выводам, к каким приходит теперь Толстой, есть проповедь *против* христианства...»¹⁹.

Отгалкиваясь от радикального социального морализма Толстого, Булгаков сформулировал новые принципы социальной борьбы на основе христианских ценностей, что нашло выражение в его работе «Неотложная задача» («Вопросы жизни», 1905, № 9), в которой публицист призвал к созданию «Союза Христианской Политики» и сформулировал основные положения его деятельности²⁰.

Журнал В. А. Кожевникова «Правда» так же не мог остаться в стороне от бурного и пользующегося интересом у читающей публики обсуждения толстовских идей, особенно на фоне растущего накала общественного движения в русском обществе в период первой русской революции.

Статья В. Трапезникова, посвященная экономическим воззрениям Толстого, появилась в журнале летом 1905 г. Она, несомненно, отражала общую идейную позицию издания. Потому можно рассматривать статью как вербализацию определенной программной установки. Такому изданию, как «Правда», в разгар революционных событий 1905 г. важно было дать оценку оппозиционным идеологиям. Для редакции и активизировавшейся читательской аудитории актуален был именно экономический аспект толстовских идей, а не нравственно-религиозный, как для идеалистического «Нового пути», позднее «Вопросов жизни». Хотя Трапезников отмечал, что «Л. П. Толстой приобрел всеобщую известность не только как художник, но и как мыслитель, создавший своеобразную философскую систему и в основу своего мирозерцания положивший известные нравственные начала»²¹.

Русскими марксистами в начале XX в. Толстой воспринимался как «осколок идеологии „народников крепостной эпохи...“»²². Поэтому Трапезников ставил задачей познакомить читателей с экономическими воззрениями Толстого, чтобы «осветить их внутреннее содержание, вскрыть их «подоплеку» и определить, какие реальные социальные интересы находили отзвук в душе популярного философа наших дней»²³.

Позиция, с которой анализировались взгляды Толстого, опиралась на экономические принципы, обоснованные Марксом и Энгельсом. Потому закономерным воспринималось утверждение автора статьи о том, что общественным идеалом Толстого «является первобытное равенство, возможное только на почве натурального хозяйства. Мелкий самостоятельный земледелец, дополняемый мелким ремесленником, — таково воплощение этого идеала»²⁴. Подобный идеал общественного развития воспринимался как архаический, как попытка повернуть вспять колесо истории. Для Трапезникова счастье человечества определялось идеалом будущего — социального перехода от капитализма к социализму, а затем и коммунизму, путем обобществления средств производства и уничтожения частной собственности как таковой.

По мнению автора статьи, как идеолог натурального хозяйства Толстой отрицательно отнесся к отделению города от деревни, промыслов и ремесел от земледелия²⁵. И эта позиция русского писателя и мыслителя диктуется тем, что «... Толстой последовательно стоит на страже интересов натурального быта... он ревниво оберегает сплошное равенство от разделения общественного труда, от обмена, от новых форм производства, которых настоятельно требовало развитие производительных сил, почувствовавших себя стесненными в тисках старых экономических форм». Неудивительно, что наибольшее

отвращение у Толстого вызывают деньги²⁶. Так как обращение капитала, расширенное воспроизводство — это ключевой элемент капиталистической экономической системы. Этот принцип несовместим с условиями натурального производства, которое воспроизводит само себя, не оставляя возможностей для экономического прогресса.

Необходимо подчеркнуть, что В. Трапезников экономические идеи Толстого определяет как утопические и романтические: «Рисуя утопию натурального быта, украшая ее чисто романтическими украшениями, Толстой убежден, что стоит только захотеть, как эта утопия станет действительностью». Экономическая ситуация в России начала XX в. была такова, что она в действительности не оставляла места для утопий, ориентированных на «золотой век» в прошлом. Развитие промышленности, техники, сферы услуг — все это было далеко от принципов натурального хозяйства, которые виделись Толстому как панацея от всех общественных бед России.

В заключение автор статьи писал: «Нас тоже интересует вопрос: „в чем счастье?“ Мы тоже нередко ломаем головы над вопросом: „так что же нам делать?“. Однако идти в решении этих вопросов за Толстым, зовущим нас назад, было бы бесцельно и бесполезно»²⁷.

Подобная позиция «отмахивания» от идей оппонентов, не может не быть малопродуктивной. Автор статьи в марксистском журнале раскритиковал идеи русского писателя с позиций марксистского политико-экономического учения, но он не осмыслил того факта, что идеи Толстого были своеобразным ответом на запрос многомиллионного крестьянского населения России, которое во многом и существовало в реалиях натурального хозяйства, а ценности буржуазно-капиталистического развития не могли не восприниматься в этой среде враждебно, т. к. уклад жизни был весьма архаичным в своих основах.

В известной работе В. И. Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции», опубликованной в № 35 «Пролетария» (от 11 сентября 1908 г.), отмечался тот факт, что «революция — явление чрезвычайно сложное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий. И если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях»²⁸. И далее публицист развивал мысль: «Патриархальная деревня, вчера только освободившаяся от крепостного права, отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску. Старые устои крестьянского хозяйства и крестьянской жизни, устои, действительно державшиеся в течение веков, пошли на слом с необыкновенной быстротой. И противоречия во взглядах Толстого надо оценивать... с точки зрения того протеста против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеливания масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней»²⁹.

Ленинская оценка толстовской идеологии оказывалась более глубокой и точной, хотя нельзя не согласиться, что «Ленин рассматривает публицистическое творчество Толстого как определенный политический фактор»³⁰.

В январском выпуске журнала «Правда» за 1906 г. была опубликована рецензия Е. Чарского (Е. А. Ананьина) на монографию Андреевича о Л. Н. Толстом (1905). Акценты в публикации опять же определялись мировоззренческой позицией рецензента. Он отмечал: «Общественные мотивы в данной монографии выступают довольно сильно: пока Андреевич разбирает критику Толстого современного общественного строя, у него нет с ним разногласий, но лишь только Толстой пытается объяснить современные отношения

нравственностью, вернее безнравственностью человечества, не желая рассматривать нравственность как продукт общественных отношений (зависящих в свою очередь от состояния производительных сил), автор монографии дает ему резкую отповедь. Этой отповедью, написанной по поводу известной телеграммы Л. Н. Толстого в американские газеты, заканчивается книга³¹. Эта же отповедь и явилась едва ли не последним литературным произведением Андреевича»³².

Рецензия Е. Чарского во многом близка позиции автора статьи «Экономические воззрения Л. Н. Толстого», т. к. толстовская критика нравственных установок современного ему общества не принималась рецензентом с точки зрения марксистской идеологии.

Публикации журнала «Правда», посвященные идеям Л. Н. Толстого, позволяют выделить следующие существенные положения: во-первых, в критике современного общественного устройства России Толстой воспринимался марксистами как единомышленник, но был непримиримым оппонентом в своих взглядах на социально-исторические перспективы развития страны; во-вторых, нравственный аспект толстовской идеологии не представлял для русских марксистов существенного интереса, т. к. для них безусловен был постулат марксистской философии — «бытие определяет сознание», а следовательно, и нравственность определялась системой общественных отношений.

Очевидно, что политический аспект толстовского мировоззрения был значим не только для марксистов, но и идеалистов, т. к. позволял обосновать необходимость радикальных общественных преобразований в России начала XX в. Оппоненты сходились в негативной оценке толстовского социально-политического учения, т. к. и для тех и для других социальные преобразования опирались в основе на экономическое учение Маркса и соотносились с капиталистическими реалиями жизни в России начала XX в. Точкой расхождения идеалистов и с атеистически настроенными марксистами, и с Толстым, редуцировавшим христианство до морального учения, было отношение к христианству как основе мировоззрения и безусловной системе ценностей социального прогресса.

¹ История журнала «Новый путь» была описана в работе Д. Е. Максимова // *Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики: Статьи и материалы*. Л., 1930. С. 129–254, а также заслуживает внимания статья: *Корецкая И. В. «Новый путь». «Вопросы жизни» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания*. М., 1982. С. 179–233.

² О журнале «Правда» сообщается в статье: *Махонина С. Я. Русская легальная журналистика XX века (1905 — февраль 1917) (опыт системного исследования) // Из истории русской журналистики начала XX века* / под ред. Б. И. Есипа. М., 1984. С. 5–49, 26.

³ *Колеров М. А. Сборник «Проблемы идеализма» (1902). История и контекст*. М., 2002. С. 20.

⁴ *Вопросы жизни*. 1905. № 1.

⁵ *Правда*. 1904. № 11. С. 300.

⁶ *Короленко В. Г. Николай Константинович Михайловский // Русское богатство*. 1904. № 2. С. 5.

⁷ *Колеров М. А. Указ. соч.* С. 32.

⁸ *Суворин А. Дневник*. М., 1992. С. 316.

⁹ *Ущиповский С. П. «Толстовство» в русских исторических журналах // Л. Н. Толстой в мировом коммуникативном процессе: тезисы межвузовской научной конференции / под ред. Г. В. Жиркова*. СПб., 2008. С. 68–70.

¹⁰ *Булгаков С. П. Карлейль и Толстой // Новый путь*. 1904. № 12. С. 227–260.

¹¹ Там же, С. 227.

¹² *Новый путь*. 1904. № 12. С. 86–115.

¹³ *Булгаков С. П. Карлейль и Толстой*. С. 233

¹⁴ Там же. С. 248–252.

¹⁵ *Булгаков С. Н.* Указ. соч. // Вопросы жизни. 1905. № 1. С. 16–38.

¹⁶ Там же. С. 36.

¹⁷ Там же. С. 18–19.

¹⁸ Там же. С. 36–37.

¹⁹ *Булгаков С. Н.* Без плана // Вопросы жизни. 1905. № 3. С. 388–414.

²⁰ *Булгаков С. Н.* Неогложная задача // Там же. № 9. С. 332–360.

²¹ *Грапезников В.* Экономические воззрения Л. Н. Толстого // Правда. 1905. № 6. С. 107.

²² Там же. С. 128.

²³ Там же. С. 108.

²⁴ Там же. С. 112.

²⁵ Там же. С. 117.

²⁶ Там же. С. 119.

²⁷ Там же. С. 127.

²⁸ *Ленин В. И.* ПСС. Изд. 5. М., 1961. Т. 17. С. 206.

²⁹ Там же. М., 1961. Т. 17. С. 210.

³⁰ *Жирков Г. В.* Традиции и инновации в исследованиях творческого наследия Л. Н. Толстого // Л. Н. Толстой в мировом коммуникативном процессе. СПб., 2008. С. 3.

³¹ В приложении к монографии опубликован текст телеграммы Толстого (№ V) и помещено написанное Андреевичем незадолго до смерти «Открытое письмо» Л. Н. Толстому» (№ VI), в котором он говорил: «Верите или нет, Л. Н., что в той среде, в которой я чаще всего бываю и с которой я духовно ближе всего. — именно в рабочей, меньше всего строят утопий, реже всего выдвигают на первый план чисто экономические реформы. Здесь, несомненно, проснулась личность, проснулся человек <...> Я думаю, что та же личность, тот же человек, познавший свое достоинство. — заставляет бродить и кипеть всю Россию...».

³² *Чарский Е. Л.* Н. Толстой. Монография Андреевича. Издание Беляева // Правда. 1906. Январь. Кн. 1. С. 107.